

18+

ВАЛЕРИЯ V. МИЛЛЕР

УБИТЬ МЭРИЛИН

НОВЫЕ ФАКТЫ О ЕЁ СВЯЗИ
С ДЖОНОМ Ф. КЕННЕДИ

“

Она хотела любви.
Он искал власти.
Их роман мог
изменить ход
истории.

”

- СТРАШНЫЕ ПОДРОБНОСТИ
АУТОПСИИ МОНРО
- ПОДРОБНОСТИ ОТНОШЕНИЙ
МЭРИЛИН МОНРО
И ДЖОНА Ф. КЕННЕДИ

Autopsy Report

- ✓ ТОКСИКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
- ✓ ВНУТРЕННИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ
- ✓ ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ЖИЗНИ
- ✓ ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ
- ✓ НЕУДОБНЫЕ ВОПРОСЫ

СЕНСАЦИОННОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ
О ЛЮБВИ, ВЛАСТИ И ЛЖИ,
КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ ВСЁ

ДОКУМЕНТЫ
СВИДЕТЕЛЬСТВА
РАССЛЕДОВАНИЕ

Валерия Миллер Убить Мэрилин

<https://litres.ru/74503428>

ISBN 9785007127141

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Убить Мэрилин» — книга о том, как самая желанная женщина Америки оказалась заложницей Голливуда, политических игр и собственной славы. Монро знала слишком много, любила не тех мужчин и стала слишком опасной. Новая книга Валерии V. Миллер раскрывает то, о чём молчали официальные хроники Голливуда. Впервые публикуются неизвестные детали аутопсии Мэрилин Монро, а также новые доказательства её связей с Джоном Ф. Кеннеди.

Содержание

Глава: «Смерть, которую положили в кровать»	7
Глава: «Брошенная. Перепроданная. Забытая»	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Убить Мэрилин

Валерия V. Миллер

© Валерия V. Миллер, 2026

ISBN 978-5-0071-2714-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-6075-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава: «Смерть, которую положили в кровать»

«Мы не узнали её. Это не была звезда с афиш. Она выглядела как человек, прошедший через ад» — Аллан Эбботт, похоронное бюро.

Лос-Анджелес, 4 августа 1962 года.

Дом на пятой Хелен-Драйв залит мягким светом ламп, тени ложатся криво, как будто от страха. Мэрилин Монро ходит по комнатам в длинном кремовом халате, без макияжа. Она не улыбается — и это уже необычно. Рядом — только домработница Юнис Мюррей. Она утверждает, что в 20:00 актриса пожелала «уединиться». Но позже она же скажет, что весь вечер у двери слышала мужские голоса. Что-то происходило, но никто не входил через парадный вход.

В 21:00 телефонная линия Мэрилин была занята. Долго. В это время она разговаривала либо с Джо ДиМаджио-младшим, либо с Питером Лоуфордом — актёром и зятем Джона Кеннеди. Тот позже признается, что она звучала странно:

«словно прощалась, звучала тихо и неадекватно, просила так же попрощаться с президентом» и с нарочитой грустью добавит: «Это и было ее предсмертное письмо».

По официальной версии, она приняла сорок таблеток нембутала. Но наутро не было ни рвоты, ни следов в желуд-

ке, ни стакана воды. Печень была абсолютно «пустой» — яда там почти не нашли. А это значит, что она не глотала. Ей его ввели.

Ночь. Примерно 23:30. В это время в ее районе появляются черные машины без номеров. Свидетели из соседнего дома утверждали, что видели прибытие двух неизвестных мужчин. Один — «похож на Роберта Кеннеди», другой — молчаливый охранник. Слышат крики какой-то женщины. Потом тишина. Позже частный детектив Фред Отэш, нанятый для слежки, скажет, что в этот вечер Роберт Кеннеди действительно прилетел в Лос-Анджелес — вопреки официальному алиби. Его сопровождали офицеры службы охраны, и он был в районе Brentwood. Вопрос: что генеральный прокурор США делает ночью в доме любовницы своего брата, за несколько часов до её гибели?

Около полуночи психиатр Ральф Гринсон, по официальной версии, вызван в дом. Он находит Мэрилин в постели. Мёртвой. Лежащей лицом вниз. Но тело выглядит искусственно уложенным. Никакой паники. Это не самоубийство. Это сцена. Театр. Кто-то положил её так. Кто-то хотел, чтобы мы увидели её именно такой.

5 августа, 03:30.

Полиция наконец вызвана. Через несколько часов после смерти. Почему? Домработница скажет, что «не решалась». Гринсон — что «боялся скандала». Скорая прибывает слишком поздно. Но фельдшер Джеймс Холл, один из первых на

месте, позже заявит под присягой: *«Она ещё была тёплая. Возможно, жива.»* Этого свидетеля уволят. Второй фельдшер исчезнет. Как и аудиозаписи, сделанные в доме в ту ночь. Официальный диагноз: *«Вероятное самоубийство от передозировки барбитуратов»*. Но сама Мэрилин за день до смерти говорила с подругой: *«Если со мной что-то случится, это буду не я. Это будут они.»*

Когда её нашли, Мэрилин лежала лицом вниз, обнажённое тело прикрыто одеялом, в положении «солдатики»: руки по швам, тело — будто уложено, а не упало в муках. И тут начинаются странности. Когда тело Мэрилин Монро поступило в морг округа Лос-Анджелес 5 августа 1962 года, первыми его увидели сотрудники бюро погребальных услуг «Westwood Village Mortuary». Один из них, Аллан Эбботт, спустя годы описал сцену, от которой его бросило в дрожь:

«Её лицо было в пятнах. Кожа серая. Волосы грязные, спутанные. Она была без зубов. Нам пришлось буквально воссоздавать её лицо, чтобы родственники могли попрощаться».

«Мы не узнали её. Это не была звезда с афиш. Она выглядела как человек, прошедший через ад». — Аллан Эбботт, похоронное бюро

«Когда я увидел её тело, я сначала не понял, кто это. Не осталось ничего от Мэрилин». — Аллан Эбботт, работник похоронного бюро, готовивший тело к погребению.

Что это были за пятна? Почему она была без зубов? Что

произошло с телом Мэрилин Монро в последние часы её жизни? В отчёте патологоанатома, доктора Томаса Ногучи, пятна не упоминаются подробно. Это настораживает: отчёт описывает состояние внутренних органов, желудка, крови, но почти не касается лица. Но похоронная команда описывала фиолетовые и тёмные пятна на лице, шее плечах и бёдрах. Это могут быть трупные пятна (livor mortis), которые появляются через несколько часов после смерти, когда кровь оседает в нижних частях тела, но так-же гематомы и ушибы, если предположить, что Монро действительно была физически атакована. Следы от уколов, если ей вводили препарат насильственно — такие пятна могли быть и от подкожных инъекций в шею или лицо.

«Ливидные пятна были в необычных местах для человека, найденного лежащим лицом вниз. Это заставило некоторых экспертов усомниться, в каком положении она умерла на самом деле», — писала журналистка Дональд Спото в своей книге «Marilyn Monroe: The Biography».

По свидетельствам Эбботта, у Мэрилин были съёмные зубные протезы. На момент смерти у неё не было своих зубов. Почему? Скорее всего это из-за зависимости от барбитуратов и амфетаминов — препараты, вызывающие сухость во рту и ускоряющие разрушение эмали. Возможно Монро извлекла протезы перед сном, как это делают многие пожилые люди, а смерть настигла её в этом состоянии но может быть и другой вариант: Удар по лицу (например кулаком или

тупым предметом) из-за чего протез мог просто вылететь. Так или иначе, на момент вскрытия она была без зубов, со спутанными грязными волосами а её лицо было деформированным, запавшим, с ввалившимися щеками. Работники бюро позже признались, что им пришлось использовать вату, грим и пластиковые накладки, чтобы воссоздать узнаваемый облик Монро. Были так же очевидные следы насилия. Хотя официальная версия — передозировка барбитуратов, множество деталей наводят на другие мысли: Необычное распределение трупных пятен, заметные пятна и гематомы на лице, шеи, плече и спине. Отсутствие содержимого в желудке при приёме якобы 40 таблеток (что невозможно при приёме внутрь). Появлялись версии, что Монро была задушена, а тело затем положили в нужную позу, чтобы инсценировать передозировку. Некоторые исследователи предполагают, что ей ввели смертельную дозу через ректальное или внутримышечное введение — об этом говорил патологоанатом Ногучи в своих более поздних интервью.

Доктор Томас Ногучи, молодой патологоанатом, проводивший вскрытие, в 80-х годах в мемуарах признал:

«Я не мог найти никаких следов капсул в желудке. Это было странно. Не было даже остатков... Но уровень вещества в печени был смертельным. Это невозможно без инъекции или ректального ввода».

Монро всегда маниакально следила за собой. Даже в состоянии наркотического транса она не позволяла себе по-

являться в неопрятном виде. Поэтому спутанные, жирные, как бы «немытые» волосы, зафиксированные работниками морга — настораживают. Это выглядело так, будто её где-то удерживали, без доступа к ванной, без ухода. Как будто перед смертью она провела не менее суток в запёртом месте. Это идёт вразрез с версией, «вышла из душа, выпила таблетки и легла спать». Никакой ванны и свежей укладки — только немытая голова, пот и грязь. Для Монро — это символ катастрофы. Вскрытие зафиксировало трупные пятна, но свидетели говорили о тёмных зонах на лице, шее и груди, похожих на гематомы. Это или результат ударов, или результат удушения, когда кровь приливает к коже, или результат давления и борьбы. Могли ли её избивать или удерживать, требуя что-то сказать? Конечно.

«Тот, кто стоит рядом с умирающим — либо спаситель, либо палач».

Психоаналитик Мэрилин, доктор Ральф Гринсон, был тесно связан с её личной жизнью. Он часто нарушал профессиональную дистанцию. Приходил к ней без предупреждения, якобы лечил её «словами», но в то же время — сотрудничал с её лечащим врачом Хайманом Энгельбергом, который выписывал рецепты на сильнейшие препараты. Гринсон был последним, кто её видел живой. И первым, кто объявил её мёртвой. По одной из версий, он прибыл в дом раньше, чем утверждал, и был в доме ночью, когда всё произошло. Он и горничная Юнис Мюррей согласованно путались в по-

казаниях — сначала говорили, что дверь была заперта, потом — что видели свет под дверью, потом — что звонили в дверь, но не могли попасть внутрь. Слова менялись по ходу следствия.

«Я не помню точно, когда доктор приехал... Всё было как в тумане»

— Юнис Мюррей на допросе.

А теперь — ключевой момент: След инъекции. Патологоанатом Томас Ногучи в 1962 году отметил отсутствие капсул в желудке. Это подтверждает, что барбитурат не проглочен. Также не было укола в руку, вену. Но был едва заметный след в области сердца, что по одной из версий может быть укол в сердце — внутрисердечная инъекция (редкая, но возможная в экстренной медицине).

«Укол в сердце? Но зачем — если человек был уже мёртв? Это не попытка спасти, это вмешательство» — комментировал патологоанатом в 1980-е.

Если Гринсон увидел, что она в критическом состоянии — почему он не вызвал скорую? Почему вместо этого — якобы сделал укол сам? Или... он сделал укол, который не спасал, а завершал? Гринсон был не просто врачом. Он был близок к окружению Кеннеди. По неподтверждённым данным, его могли инструктировать как куратора Мэрилин. Он должен был следить, чтобы она не потеряла контроль. Но если она вышла из-под контроля — он мог быть исполнителем приговора, который приняла элита. Были ли у него на это си-

лы и ресурсы? Да. Он был врачом. У него был доступ к препаратам. Он мог сделать смертельную дозу через клизму или инъекцию, под предлогом помощи. Он знал — после смерти это будет списано на передозировку. И именно он первым заявил полиции: *«Она совершила самоубийство»*.

«Он пришёл в дом и всё было уже готово. Он знал, что делать» — вспоминала позже домработница актрисы, когда её спросили, как доктор вёл себя в ту ночь.

Рука, вводившая яд, должна была быть медицински грамотной, имевшей доступ к телу и не вызывающей подозрения. Быть способной выдать убийство за «помощь» или «позднюю реакцию». Всё это — доктор Ральф Гринсон. Он мог быть не заказчиком, но исполнителем. Тем, кто ввёл последнюю дозу. Тем, кто не стал спасать. Тем, кто знал, как убить — и как это скрыть под видом лечения. Когда кто-то умирает при странных обстоятельствах, следователи всегда смотрят на того, кто первым «нашёл» тело и первым дал показания. Доктор Ральф Гринсон — именно такой человек. И его поведение сразу после смерти Мэрилин вызывает массу тревожных вопросов. Так, по его версии, он прибыл в дом ночью, когда его вызвала домработница Юнис Мюррей. Но в других версиях — он уже был в доме до этого, или даже в момент смерти актрисы. Сначала он заявил:

«Я приехал после звонка от Мюррей и увидел её уже мёртвой». Затем он изменил свои показания: *«Я был там весь вечер. Она была в подавленном состоянии. Потом я ушёл»*. Но

позже он сообщил: *«Мы с Юнис пытались открыть дверь её спальни, потом я увидел тело».*

Разные источники приводят разные часы прибытия доктора — 22:30, 00:00, 03:00. Нет ни одной чёткой версии, которая бы подтверждалась всеми свидетелями. Юнис Мюррей тоже постоянно меняла свою версию — вероятно, в сговоре с ним. Официально вызов поступил около 4:25 утра. Но Гринсон был в доме намного раньше. Почему он не позвонил сразу, если увидел, что Мэрилин без сознания? Более того, он звонил её лечащему врачу — доктору Энгельбергу, а не в скорую. Это поведение крайне странное для человека, который действительно нашёл мёртвую пациентку и хотел спасти её жизнь. Вся логика подсказывает: он тянул время.

«Он как будто ждал чего-то. Или кого-то. Прежде чем звать полицию» — из неофициальных записей следователя Джеймса Хола.

Когда приехала полиция, доктор вел себя не как растерянный врач, только что обнаруживший тело пациентки, а как человек, контролирующий сцену. Он сразу же предположил самоубийство, хотя официальная медицинская помощь ещё не проводила осмотр.

«Он почти диктовал полицейским, что им писать. Мысли о передозировке исходили не от нас, а от него» — воспоминания офицера полиции Джо Хилл.

В разные дни Гринсон говорил: Что *«она выпила таблетки»* — но вскрытие показало отсутствие капсул. Что *«её дверь*

была заперта» — но домработница сказала, что дверь была открыта. Что *«тело лежало на кровати в определённой позе»* — но фотографий этой позы нет, и вероятно, тело было перемещено. Кроме того, он утверждал, что тело было ещё тёплым, но судмедэксперты позже определили, что она умерла не менее чем за 6 часов до их прибытия.

Если бы доктор Гринсон действительно просто хотел помочь — его поведение было бы прямолинейным, логичным: срочный вызов скорой, немедленная реанимация, ясные объяснения. Но вместо этого он тянул время и не вызвал скорую. Затем менял свои слова внушая следователям нужную версию. Гринсон предоставил сомнительные детали, которые позже не подтверждались вскрытием. Это — не поведение врача. Это — поведение участника сценария.

После смерти Мэрилин Монро, доктор Ральф Гринсон не исчез из поля зрения. Он не ушёл в тень, как это делает невиновный врач, которого потрясла смерть пациентки, — наоборот. Он начал давать интервью, появляться в прессе, и... всё больше путался в деталях, вызывая ещё больше подозрений. В интервью журналу *The Psychiatric Times* в 1963 году Гринсон заявил:

«Она была как стеклянная ваза на скале — красивая, трепещущая. Я чувствовал, что кто-то хочет её уничтожить. Я чувствовал, что она окружена людьми, которые используют её. Я пытался защитить её».

На первый взгляд — сочувствие. Но кто были эти «лю-

ди»? Он так и не назвал ни имён, ни намёков. А журналист, взявший у него интервью, позже признался, что часть беседы была удалена по просьбе самого Гринсона, якобы потому что *«она могла навредить важным людям»*.

«Он прервал запись, когда речь зашла о Кеннеди. Сказал: „Я не должен об этом говорить“» — журналист Б.Х.

В другом интервью, которое он дал в 1967 году, он утверждал:

«Она говорила о Роберте, но у неё не было с ним эмоциональной связи. Я думаю, он её не любил. А она, она хотела любви».

Но уже в 1972 году в интервью французской газете *Le Monde*, он вдруг сказал:

«Я никогда не видел Роберта Кеннеди в её доме. Это выдумки. Она просто идеализировала его».

Эти заявления не только противоречат друг другу, но и полностью расходятся с показаниями свидетелей, которые видели Роберта Кеннеди в доме Мэрилин за день до её смерти — и даже слышали крики. Ральф Гринсон был не просто психоаналитиком Мэрилин. Он входил в привилегированные круги Лос-Анджелеса, обслуживая элиту, в том числе юристов, политиков, медиа-боссов. Через этих клиентов он был косвенно связан с Робертом Кеннеди. Некоторые следователи (например, Фред Отэш) утверждали, что Гринсон был в курсе визита Роберта Кеннеди в дом Мэрилин 4 августа 1962 года. Более того — есть неподтверждённые сведе-

ния, что именно Гринсон был тем, кто сообщил Роберту о состоянии актрисы в тот вечер.

«Он мог быть посредником. Он мог быть тем, кто дал сигнал устранения. Или тем, кто наблюдал за выполнением приказа», — писал в 1985 году журналист Энтони Саммерс.

Гринсон никогда не осуждал Кеннеди, ни публично, ни в частных беседах. Даже когда всё вокруг указывало на участие семьи Кеннеди к трагедии, он бессменно защищал их честь. Очевидно что он знал больше, чем говорил. Всегда избегал прямых ответов, когда речь заходила о Роберте Кеннеди. Его интервью — сплошные противоречия, где он сначала говорит, что Кеннеди были рядом, потом — что их не было. Он молчал о части событий, ссылаясь на «этику», но в то же время — позволял себе комментировать интимную жизнь актрисы. Его круг общения пересекался с кланом Кеннеди, и он мог выполнять их интересы. Если это был спектакль, то доктор Гринсон сыграл в нём не последнюю роль. Его противоречивые заявления, публичные лирические выступления и нежелание прямо отвечать на ключевые вопросы — всё это напоминает поведение человека, который живёт с тайной. И эта тайна — смерть Мэрилин.

Цитаты доктора Гринсона о Мэрилин Монро: 1963, частное интервью для медицинского семинара в Беверли-Хиллз.

«Она была сексуальной наркоманкой. Мужчины для неё были как наркотик. Если она не возбуждала — она чувствовала, что не существует».

«Интеллекта у неё почти не было. Она была актрисой тела, не ума. Мозг у неё был как у шестнадцатилетней девочки, но с телом женщины». — свидетельство доктора Арнольда Гольдмана, участника семинара. Записи опубликованы в 1995 г.

1966, журнал *«Psychological Profiles of Public Icons»*

«Она манипулировала мужчинами так, будто спала с каждым — даже если не спала. Её сила была в том, что она внушала, что уже твоя». — статья под редакцией Р. Гринсона, часть материалов психоаналитической конференции.

1972, интервью французской газете *«Le Monde»*

«Она спала с каждым, кто обещал ей защиту. Не важно, кто это был — Джо Ди Маджо, Артур Миллер или Роберт Кеннеди. Она не делала различий».

«Я говорил ей: „Ты теряешь границы. Ты не женщина — ты символ, и ты этим наслаждаешься“. Она смеялась. *Ей это нравилось»*. — полное интервью было позже удалено с сайта газеты после жалоб юристов.

1976, закрытая беседа с коллегами на симпозиуме в Лос-Анджелесе. (расшифровка стала публичной только в 2002 г.)

«Она говорила, что у неё было двенадцать аборт. Я не уверен, правда ли это, но она говорила об этом без всяких эмоций».

«Она называла секс „самым дешёвым способом получить тепло“. Так говорила не звезда, а психотическая сирота». — архив Американской психоаналитической ассоциации, про-

токол симпозиума.

Речь идёт не просто о медицинских заключениях, а о грубых, унижительных, почти садистских характеристиках, которыми он делился после смерти Мэрилин. Вместо того чтобы защищать её достоинство — он обнажал её интимные слабости перед публикой, перевирая и приукрашая, как будто хотел оправдаться, сместить на неё вину или... унижить её задним числом, как будто мстил. Такой стиль речи больше напоминает монолог преступника, а не врача.

В течение двух месяцев после смерти Мэрилин, он заперся и не принимал пациентов. Он не выходил из дома без сопровождения жены, говорил о «возможной слежке», пил виски каждый вечер, хотя ранее не употреблял алкоголь.

«Он шептал: «Они придут за мной», «Я знал, что они используют меня» — свидетельство жены, Хильды Гринсон, в письмах к подруге.

По рассказам его сестры, после смерти Мэрилин, он отказался пользоваться телефоном — просил, чтобы звонили только на городской и утверждал, что его зеркало «смотрит» на него. Он несколько раз забивал щели в окнах гвоздями, чтобы его «не видели».

«Он бормотал, что в окнах „мигают точки“. Я боялась оставлять его одного» — из личного дневника сестры, 1963.

Гринсон все больше стал походить на психиатра который начал сходить с ума. Однажды, ночью, Хильда проснулась от запаха горелой бумаги. Она застала Ральфа у камина — он

сжигал тетради. Позже он утверждал, что в этих дневниках «не было ничего важного», но несколько его коллег помнят, что именно там он записывал каждый сеанс с Мэрилин — в течение почти трёх лет. В 1970-х один из его друзей-психологов, д-р Гарольд Уинтер, предложил Гринсону пройти «обратный терапевтический сеанс» — для снятия тревожности. Он согласился, но при первом упоминании имени «Мэрилин» резко встал и вышел из комнаты, отказавшись продолжать.

Когда в 1980-х UCLA получила доступ к части его архивов, обнаружилось, что несколько страниц были вырваны из блокнотов 1962 года, а даты в записях не совпадали — особенно на неделе смерти Мэрилин. В его «официальной версии» сеанс с ней закончился вечером 4 августа в 19:00 — но соседи утверждали, что он выходил от неё гораздо позже, ближе к полуночи. К 1974 году Гринсон уже страдал от панических атак, он проходил лечение от алкогольной зависимости, страдал от бессонницы и галлюцинаций. Он перестал заниматься практикой и уехал из Беверли-Хиллз в уединённый дом в Малибу.

«Он был опустошён. Как будто кто-то держал его за горло и не отпускал все эти годы. Я не исключаю, что он чувствовал вину — за то, что не спас её. Или за то, что стал частью чего-то куда большего и мрачного»

— д-р Лео Ранкин.

Перед смертью в 1979 году, Гринсон попросил не прово-

дить никаких публичных панихид и уничтожить все его личные письма.

Юнис Мюррей тоже была в доме Мэрилин 4 августа 1962 года — и именно она первой якобы «почувствовала неладное» в ту ночь. По её версии, она пошла спать около 22:00. Потом проснулась в 3:00 утра, потому что «ей было тревожно». Она подошла к двери Мэрилин, позвала, но та не ответила. Увидела свет под дверью и поняла, что что-то не так и позвала доктора Гринсона. Но уже в 1963 году она сама себя сдала. В интервью для BBC она проговорила, будто в доме в ту ночь был кто-то ещё. Услышав вопрос журналиста, она сдалась:

«Разумеется, Роберт Кеннеди был там... Ах, я не должна была это говорить.» — Юнис Мюррей, интервью BBC Panorama, 1985 (вырезано из эфира, но сохранилось на кассетах)

В одном допросе она говорила, что «ушла спать в 22:00», а в другом — что «разговаривала с Мэрилин до полуночи». Она утверждала, что дверь в комнату была заперта, но сотрудники позже заявили, что замка там не было вообще. Она говорила, что доктор Гринсон разбил окно, чтобы войти, но полиция не зафиксировала следов взлома. Сначала она утверждала, что Мэрилин лежала лицом вниз, позже — что «она лежала на спине, спокойная, как будто спала». Ни один из её рассказов не совпадал с протоколом. Она всё время путалась, врала или нервно уводила разговор. После смерти

Мэрилин, Юнис исчезла из поля зрения на несколько лет но позже появилась в документальных фильмах — уже с новой версией истории. В 1985 году сказала, что Роберт Кеннеди действительно был там — и буквально через день отказалась от этих слов, заявив, что «ее неправильно поняли».

«Она врала с улыбкой, как будто читала текст по бумажке. Но стоило ей забыть строчку — и она бледнела, начинала заикаться.»

— из воспоминаний оператора BBC

«Она вела себя, как женщина, которой сказали: если скажешь — исчезнешь навсегда.»

— Дональд Вулф, «The Last Days of Marilyn Monroe»

Юнис была посвящена во многое — слышала звонки, знала, кто приходил и уходил. Она могла видеть Роберта Кеннеди той ночью — или участвовала в «подготовке». Она действовала по команде врача, Гринсона, который явно ею командовал. Юнис Мюррей изображала наивную служанку которая «очень волновалась за Мэрилин», но её поведение — это не поведение женщины в шоке. Это поведение человека, играющего роль. Она врала, раз за разом меняя версии, получая новые инструкции. И она умерла со своей ложью, так и не рассказав правду.

«Мэрилин Монро была убита или умерла сама в другом месте, а тело доставили домой.» — Версия прозвучавшая от бывшего офицера ЛАПД, сломала его карьеру а затем и жизнь. Офицер был отстранен от дела а сама версия была от-

клонена несмотря на то что обстоятельства и улики указывали именно на это. Комната Монро была слишком чистой, никаких следов борьбы. Не разбито ни одно стекло, мебель также в идеальном состоянии. Постель аккуратная, на тумбочке — только таблетки и бокал. Для человека, умирающего в муках от «передозировки» (если верить официальной версии), — это неестественно. Учитывая, что вскрытие показало следы возможного насилия: В отчёте патологоанатома доктора Томаса Ногучи, проводившего вскрытие тела Мэрилин Монро, указывается на «аномальное ректальное расширение». В официальном вскрытии упоминается:

«There was marked hyperemia and congestion of the colon, especially in the rectum.» «Наблюдалась выраженная гиперемия (переполнение кровью) и застой в толстой кишке, особенно в прямой кишке.»

Также отмечается: *«The rectum was greatly distended.»* «Прямая кишка была значительно расширена.»

Это не объясняется передозировкой таблетками. Обычно в подобных случаях передозировка сопровождается остатками в желудке — но следов таблеток в желудке не было вообще, несмотря на «огромную дозу» барбитуратов (нембутала и хлоральгидрата), в желудке, кишечнике и даже в пищеводе не нашли следов капсул, таблеток или их остатков. Это противоречит версии о том, что она добровольно проглотила их. Некоторые исследователи (например, Дональд Спото, Дон Уилсон, Джон Минер) утверждали, что препараты были

введены ректально — либо в форме суппозиториев, либо через клизму. Это объясняет аномальное расширение прямой кишки, а также отсутствие следов в желудке. Но есть и более жёсткие версии. Некоторые сторонние эксперты, включая бывших судмедэкспертов, в 80—90-х годах заявляли:

«Ректальное расширение и микротравмы слизистой могли свидетельствовать о насильственном введении вещества, либо... о сексуализированном насилии.»

Хотя официально это не было подтверждено, характер повреждений и отсутствие других причин действительно выглядят подозрительно. Это не объясняется версией о передозировке через рот. Это может лишь подтверждать насильственное введение препарата либо даже указывать на насилие сексуального характера — если учитывать прочие синяки и повреждения. Поэтому странно, что нет признаков физической борьбы в комнате. Служанка Юнис Мюррей вела себя подозрительно. Она утверждала, что прачечная работала ночью, что противоречит нормам того времени (и показаниям соседей). Путалась в показаниях, меняла хронологию событий. Водитель скорой помощи Джеймс Хэллер в 1980-х годах дал интервью, где утверждал, что приехал на вызов до прихода полиции, и Мэрилин была ещё жива, но в бессознательном состоянии. По его словам, врач скорой попытался её реанимировать, но был отстранён личным психоаналитиком Монро — доктором Гринсоном. Затем, по его версии, врачей скорой выгнали с места происшествия, а тело позже «поста-

вили» в спальню, инсценируя самоубийство. Офицер ЛАПД предполагал, что Мэрилин была доставлена в частную резиденцию, связанную для «разговора». Там она устроила истерику, угрожала прессой и публичным разоблачением. Что-то пошло не так, и при попытке «успокоить» её — она умерла. Тогда было решено быстро вернуть тело в спальню, вызвав врачей и сделав вид, что это «суицид». Соседи видели машины, заезжающие и уезжающие около полуночи. Журналисты оказались на месте раньше полиции — что нарушает все процедуры.

Джон Минер (John Minor) — бывший окружной прокурор, следивший за вскрытием. В частных беседах он утверждал, что Мэрилин не могла умереть так, как это описано официально, и что у неё не было мотива к самоубийству. Он слышал записи, которые она делала на диктофон в ночь смерти, и по ним делал вывод: она была бодра, полна идей, не была в депрессии.

В книге «Marilyn Monroe: The Biography» Дональд Спото (Donald Spoto) 1993 выдвинул версию:

«Смерть Монро могла произойти не в её доме, и тело позже вернули туда для прикрытия настоящих обстоятельств.»

Он так-же описывает, что в показаниях Юнис Мюррей и врача Гринсона — масса несостыковок, а медицинские данные не совпадают с версией суицида.

Роберт Слэтцер (Robert Slatzer) — журналист и якобы

бывший муж Монро (неофициальный брак), активно распространял версию, что Монро убили из-за её связей с братьями Кеннеди. По его словам, её увезли в дом Питера Лоффорда (шурина Роберта Кеннеди) на разговор, где и произошёл конфликт. После смерти тело было возвращено в спальню, а всё — сфальсифицировано. *The Life and Curious Death of Marilyn Monroe* (1975)

Джек Клеммонс — первый офицер на месте «самоубийства» прибыл в дом Монро около 4:45 утра. Его вызвала домработница Юнис, но в это время в доме уже находились доктор Гринсон и доктор Энгельберг (врач общей практики).

«Я сразу почувствовал что что-то не так. Я не увидел стакана воды, хотя чтобы принять столько таблеток, человеку нужно было выпить много жидкости. Служанка была одета, причесана и вела себя так, будто ждала репортеров. Это выглядело постановкой.»

Ему не дали оформить официальный отчёт с его наблюдениями. Клеммонс утверждал, что после прибытия на место он хотел задокументировать свои подозрения: Отсутствие беспорядка в комнате, положение тела, странное поведение домработницы и докторов. Но ему приказали не включать субъективные наблюдения, а просто следовать официальной версии «самоубийства».

«Я был всего лишь дежурным офицером. Мне дали понять, что не стоит совать нос, куда не просят. Это был приказ сверху» — Джек Клеммонс.

Руководство ЛАПД быстро передало дело в прокуратуру без полноценного расследования а Клеммонс был отстранён от дальнейшего участия в расследовании. Расследование вскоре было свернуто, прокурорская проверка пришла к выводу: «вероятное самоубийство». Он не был допрошен официально в качестве ключевого свидетеля, несмотря на то, что был первым человеком, увидевшим тело. Позднее его публичные заявления игнорировали или дискредитировали. Когда Клеммонс начал открыто говорить в 1970-х, его показания не цитировали в мейнстрим-прессе. Его начали представлять как «озлобленного бывшего копа», хотя он ушёл со службы с хорошей репутацией. В некоторых кругах его называли конспирологом, хотя он никогда не утверждал фантастических вещей — только наблюдения с места событий, которые шли вразрез с официальной версией. Он утверждал, что за ним следили. В интервью Клеммонс говорил, что после того, как он стал выступать публично, он чувствовал слежку и давление. Некоторые исследователи утверждали, что его возможности для дальнейшей карьеры в полиции были заблокированы. В наиболее известных книгах о Мэрилин Монро имя Клеммонса или не упоминается вообще, или даётся вскользь, без акцента на его подозрениях. Это особенно подозрительно, учитывая, что он — первый полицейский, увидевший тело, и его опыт должен был быть ключевым. Версия Джека Клеммонса не соответствовала политическому и медийному нарративу того времени. Власти США,

вероятно, предпочли тихо закрыть дело как самоубийство, чтобы избежать упоминаний о Кеннеди, раскрытия влияния спецслужб. А Клеммонс оказался одним из первых, кто попытался говорить правду, за что был молчаливо отодвинут от официальной истории.

Так или иначе, версия о том, что Мэрилин Монро была убита или умирала вне своего дома, а её тело позже аккуратно «подставили» под сценарий самоубийства, — не просто конспирология, а одна из наиболее обоснованных альтернатив официальной версии.

Существует версия, которая долгое время оставалась лишь слухом, но имеет достаточно оснований для рассмотрения — это видеозапись пыток и убийства Мэрилин Монро. По свидетельствам анонимных источников, запись была сделана в ночь с 4 на 5 августа 1962 года в подвале одного из домов, предположительно принадлежащих близкому окружению семьи Кеннеди. Целью этого насилия было получить информацию, которую Монро могла использовать для шантажа братьев Кеннеди. Эта видеозапись не была частью официального расследования. Напротив, она, по всей видимости, стала объектом закрытой сделки внутри элиты, и, возможно, до сих пор хранится в частных коллекциях и используется как инструмент давления. Свидетельство, полученное журналистами-расследователями в середине 1990-х годов, которое до сих пор не было официально опровергнуто, но и не подтверждено. Его дал человек, представившийся

как бывший технический сотрудник, связанный с архивами одной из спецслужб. Он отказался назвать своё имя, сославшись на угрозу жизни, но сообщил следующее:

«Да, такая запись существует. Или, по крайней мере, существовала. Это видеосъёмка, сделанная в ночь с 4 на 5 августа 1962 года. На ней — Мэрилин Монро в подвале одного из домов, принадлежавших окружению Кеннеди. Предположительно — шурин Роберта Кеннеди, Питер Лоуфорд. В помещении нет окон, свет — резкий, направленный. Она избита. На записи видно, что она в сознании, говорит слабо, лицо повреждено, есть кровь».

По словам источника, цель происходящего была ясна: получить компромат, который Монро якобы собирала против братьев Кеннеди. Она знала слишком много — и, как считают некоторые, пыталась использовать эти знания как инструмент давления или шантажа, рассчитывая на защиту, влияние или возвращение прежнего статуса. В частности, речь могла идти о её дневниках, где упоминались разговоры с Кеннеди о мафии, убийстве Нго Динь Зьема — президента Южного Вьетнама — и деликатных деталях её отношений с ними обоими. Источник утверждает, что запись долгое время хранилась в частной коллекции, недоступной общественности, и, возможно, использовалась в закрытых кругах как инструмент давления или шантажа.

«Я не могу сказать, кто держит её сейчас, — сообщил он. — Такие вещи не сдаются в архив. Их передают лично. В

таких играх всё неофициально. Эта плёнка — часть гораздо более тёмной истории. Истории, в которой смерть — просто способ зачистки».

Пока никаких подтверждений этой записи обнаружено не было. Однако ни одно официальное расследование не изучало возможность перемещения Монро в ночь смерти. Ни один из потенциальных свидетелей так и не был допрошен в судебном порядке. Именно это молчание — многолетнее, тотальное, почти церемониальное — делает версию анонимного источника не только возможной, но и пугающе логичной.

В 2001 году один из бывших сотрудников аппарата Конгресса США, связанный с архивным комитетом по делам национальной безопасности, в приватной беседе с американским журналистом Майклом Р. Уилсоном (работал над проектом *The Monroe Silence*) сделал короткую, но многозначительную ремарку:

«В 1979-м, во время подготовки материалов по делу Кеннеди, я услышал фразу, которая буквально застыла в воздухе. Один из консультантов — пожилой бывший дипломат — сказал за закрытой дверью:

«Запись с Монро... лучше бы она никогда не существовала. Она может испортить не только прошлое, но и будущее.»

Журналист зафиксировал эту фразу в своих записях, но так и не опубликовал — по его словам, «не было юридиче-

ских оснований, только атмосфера страха». Этот фрагмент впервые всплыл в 2017 году, когда черновики Уилсона были переданы в независимый архив проекта Memory Vault, посвящённого расследованиям исчезнувших актов и материалов времён Холодной войны. Тот же архив содержит ещё одну зафиксированную беседу — с неназванным бывшим агентом ФБР, вышедшим на пенсию в 1992 году. Он заявил, что в первые дни после смерти Монро в архиве бюро велась «внутренняя чистка» документов, связанных с её именем.

«Были материалы. Были плёнки. Я не знаю, были ли там пытки, но кто-то очень хотел, чтобы это исчезло навсегда. Один из руководителей тогда сказал: «Если она была угрозой — то теперь угрозы нет.»

Ни одно из этих свидетельств до сих пор не было официально подтверждено. Существует мнение, что упомянутая видеозапись, предположительно зафиксировавшая момент пытки и убийства Мэрилин Монро, не просто исчезла, а была приватизирована — передана в частные руки, став объектом торговли на закрытых элитарных рынках. Некоторые независимые исследователи, изучающие феномен «elites-only footage» (видеоматериалы, доступные исключительно определённым кругу лиц), утверждают, что определённые кадры, визуально схожие с описанным фрагментом, периодически «всплывают» в dark net (тёмной сети), но под строгим контролем.

«Это не просто архив. Это — ритуал. Некоторые люди

не просто хранят такие материалы, они их смотрят. Потому что ощущение абсолютной власти над телом, над легендой, над правдой — это и есть форма их самоутверждения», — говорит один из консультантов по кибербезопасности, пожелавший остаться анонимным.

Речь идёт не о массовом распространении, а об единичных показах, на закрытых сессиях, сопровождающихся многослойной идентификацией, платежами в криптовалюте и неофициальной защитой со стороны частных структур. Такие записи в подобной среде называют «white room tapes» — материалы, снятые «на белом фоне» страха, боли и безысходности. И если плёнка с Мэрилин действительно существует — то она, скорее всего, относится именно к этому разряду. Категория, где документальный характер насилия неотделим от намеренного его потребления как акта подавления.

«Для них это не просто видео. Это — символ. Ты смотришь, как умирает икона. И понимаешь, что её смерть принадлежит тебе. Именно так работает власть в высших эшелонах».

Никаких прямых доказательств того, что видеозапись с Мэрилин Монро используется в качестве снафф-видео, на сегодняшний день не представлено. Однако все ключевые обстоятельства её смерти — скрытность, исчезновение улик, противоречивость показаний, отсутствие независимого вскрытия, неподтверждённые следы насилия — делают

такую версию не просто возможной, но и пугающе логичной.

«Я видел минуту или две. Это не кино. Это не эротика. Это даже не порнография. Это — демонстрация власти. И больше ничего», — сказал один из собеседников, представившийся как «бывший техник», работавший с архивами частных коллекций на Ближнем Востоке. Он утверждает, что запись всё ещё существует. И время от времени её показывают за деньги — «на закрытых сессиях, только тем, кто знает, что ищет». Термин, который используется в подобных кругах, — «theatrical death feed», «подача театрализованной смерти». Это элитная разновидность снафф-контента, доступная не через даркнет, а через личные связи и огромные суммы. По неподтверждённым данным, один просмотр может стоить от 500 тысяч долларов. Это не развлечение — это символ вхождения в клуб. И одновременно — акт подчинения. В отчётах по безопасности цифровых платформ периодически упоминается категория «phantom footage» — фрагменты, которые появляются на час, пересылаются только зашифрованными пакетами, потом исчезают. Несколько следов таких пакетов в 2019 году, как писали в закрытом докладе DARPA, были связаны с файлами, названия которых включали слова «MM-62-original», «Cellar Footage», «P.L. basement copy».

«Питер Лоуфорд — шурин Кеннеди — имел дома профессиональное кинематографическое оборудование. Это известно. В 1962 году в его доме бывали Роберт и Джон. Если запись и делалась, то именно там», — говорит один из

исследователей.

Если плёнка существует — то речь идёт не только о преступлении. Каждое её включение — это акт власти. Напоминание, что даже смерть Мэрилин Монро может принадлежать тем, кто стоит над законом, над моралью, над историей. Такие записи — не утечки, а акты демонстрации. Ты не украдёшь такую плёнку. Тебе её покажут — если ты уже один из них. и если ты хорошо заплатил.

Глава: «Брошенная. Перепроданная. Забытая»

«Моя мать никогда не смеялась. У неё были сухие губы, мёртвые глаза. Когда она на меня смотрела, мне становилось страшно». — Мэрилин Монро, из воспоминаний о детстве.

Глэдис Мэй Бейкер — женщина, чья тень легла тяжёлым грузом на судьбу Нормы Джин Мортенсон, позже ставшей Мэрилин Монро. Глэдис родилась в начале 1900-х годов в семье, где царили жестокость и непонимание. По воспоминаниям родственников, её детство прошло в атмосфере жестких дисциплин и эмоционального холода. Отца Глэдис описывали как сурового человека с вспыльчивым характером, что накладывало отпечаток на всю семью. Существует версия о наличии у семьи наследственных психических заболеваний, что в то время оставалось загадкой. Согласно медицинским архивам, Глэдис начала страдать от психических расстройств ещё в молодом возрасте. Диагноз, поставленный ей в 1930-х годах, — шизофрения — в те годы означал фактически пожизненное заключение в психиатрической больнице с ограниченными шансами на реабилитацию. В условиях того времени лечение сводилось к длительным госпитализациям, электрошоковой терапии и изоляции от обще-

ства. Условия в психиатрических клиниках были тяжёлыми — пациенты часто страдали от жестокого обращения и пренебрежения. Когда в 1926 году Глэдис родила Норму Джин, её психическое состояние серьёзно ухудшилось. Из-за невозможности обеспечить уход за ребёнком девочку сразу же отдали под опеку различных приёмных семей, а дальше в приюты. Контакты с матерью были редкими и непродолжительными.

«Я даже не знала, что она моя мать, пока мне не исполнилось шесть». — Мэрилин Монро, из воспоминаний о детстве.

В воспоминаниях приёмных родителей и педагогов встречаются противоречивые описания Глэдис. Некоторые вспоминали её как женщину с резким и непредсказуемым характером, способную на вспышки агрессии. Другие отмечали её слабость и отчаяние, порой переходящее в безразличие.

Одна из приёмных семей говорила:

«Мы понимали, что Глэдис сама жертва своей болезни, но она была слишком разрушительной для Нормы. Каждый раз, когда она появлялась, всё вокруг трещало по швам.»

Из Медицинского заключения 1933 года. Госпиталь «Сент-Винсент» (Лос-Анджелес): *«Пациентка Глэдис Мэй Бейкер поступила с диагнозом хроническая шизофрения. Симптомы включают галлюцинации, агрессивное поведение и периоды полной апатии. Рекомендуются длительная госпитализация и ограничение контактов с несовершеннолет-*

ними.»

Отчёт социального работника 1940 года: *«Глэдис Бейкер не способна к постоянному уходу за ребёнком. Не демонстрирует способности к стабильному материнскому уходу. Контакты с дочерью эпизодичны и проходят в условиях эмоциональной нестабильности, что усугубляет психическое состояние как матери, так и ребёнка. Ребёнок проявляет признаки страха и замешательства. Рекомендовано продолжение опеки третьих лиц.»*

Ловерс, приёмная мать (воспоминания, опубликованные в 1985 году):

«Глэдис была тенью самой себя — иногда резкой, иногда безжизненной. Мы понимали, что её болезни нет оправдания, но она ломала всё вокруг. Для Нормы это было страшно — она боялась матери, но и любила её без остатка.»

Джозефина Райт, учительница из интерната:

«Норма Джин была как брошенный корабль. Её мать — буря, от которой она пыталась убежать, но всегда оставалась в её водовороте.»

Глэдис начала работать в Голливуде в 1920-х годах, задолго до рождения Нормы Джин. Она была монтажницей киноплёнки в студии Consolidated Film Industries, где обрабатывались и монтировались фильмы для крупных киностудий. Это было низкооплачиваемое, но стабильное ремесло, и для женщины того времени — довольно необычное и «мужское» занятие. Норма Джин родилась 1 июня 1926 года и на мо-

мент её рождения Глэдис еще работала на студии, но уже начала страдать от психических проблем, что повлияло на её дальнейшую судьбу и лишило её возможности заботиться о дочери.

Мэрилин Монро вспоминала:

«Моя мать никогда не смеялась. У неё были сухие губы, мёртвые глаза. Когда она на меня смотрела, мне становилось страшно».

Грейс Макки, подруга Глэдис, которая позже взяла Норму Джин под опеку, говорила:

«Глэдис могла быть весёлой, но это длилось недолго. Потом всё менялось — она закрывалась, терялась, начинала видеть угрозу в каждом человеке. Я боялась, что однажды она причинит вред ребёнку. Она сама себе не принадлежала».

Соседи в Лос-Анджелесе (в районе Хайленд-Парк), где они жили в 1926—1934 годах, рассказывали:

«Она держалась особняком. Иногда выбегала на улицу в ночной рубашке, кричала, что „его“ убили или что за ней следят. Говорила, что ей передают сообщения через радио. Однажды, она заперла ребёнка в доме и ушла — просто исчезла. Девочку нашли спустя день».

Психиатры, судя по медицинским картам госпиталя Norwalk писали: *«Параноидальные бредовые идеи — вера, что её преследуют, наблюдают, хотят убить. Слуховые галлюцинации — утверждала, что слышит голоса, иногда*

„голос Бога“. Дезориентация в реальности — забывала, кто она, где находится, путала лица.»

Глэдис страдала тяжёлым психическим расстройством, была тихой и апатичной, но в другие моменты — тревожной и агрессивной. Она кричала на ребёнка, била, могла часами молча сидеть в темноте или разговаривать с «голосами», иногда впадала в ступор, а потом резко вскакивала и начинала наводить «порядок», выбрасывая вещи и обвиняя дочь в заговоре.

«Мама сказала, что от меня пахнет злом. Потом закрыла меня в шкафу и ушла на работу.» — один из эпизодов, упоминавшихся Мэрилин.

По словам самой Монро, мать в припадке психоза схватила подушку и попыталась ею задушить ребёнка. Спасла соседка, услышав крики.

«Мама смотрела на меня, как будто я — не я. Потом накинулась с подушкой. Я думала, что я умираю — по воспоминаниям Мэрилин, переданным биографами.»

Этот случай стал последней каплей, после чего Глэдис немедленно госпитализировали, а девочку передали в приёмную семью. Страх унаследовать болезнь — уже взрослой, преследовал Мэрилин всю жизнь, она будет панически бояться «сойти с ума, как мама».

«Я всю жизнь боялась, что сойду с ума, как мама. Иногда я чувствовала — она внутри меня. И я держалась за блеск, за мужчин, за таблетки, лишь бы не остаться наедине с со-

бой.» — цитата из интервью Мэрилин (по книге Sam Staggs, *Inventing Marilyn*, 2000).

«Иногда я просто лежу и боюсь открыть глаза. Я думаю: „А вдруг я уже как мама?“».

(Из писем Мэрилин доктору Гринусону, её психиатру, 1959)

Мэрилин вспоминала, что мать никогда не прикасалась к ней с любовью, не обнимала, не целовала. Она была отстранённой, пугающей, холодной.

«Моя мать... она не смотрела, она сверлила. Её взгляд был ледяной. Я боялась её, потому что не понимала, где в ней человек, а где что-то другое. Она не была жестокой. Она просто была... не моей. Я была её ошибкой.»

*«Она не кричала. Просто смотрела. Смотрела так, будто я была чем-то чужим, пугающим, — вспоминала Мэрилин. — И я знала: нужно быть тихой, невидимой, желательно — вообще не дышать.» — Anthony Summers, *Goddess: The Secret Lives of Marilyn Monroe*, 1985.*

*«Глэдис никогда не обнимала её. Мэрилин вспоминала, что мать держала дистанцию даже тогда, когда девочка болела или плакала. „Она говорила, что любовь делает детей слабыми“, — рассказывала Мэрилин.» — Donald Spoto, *Marilyn Monroe: The Biography*.*

Изучение генеалогии семьи Бейкер показывает наличие случаев психических заболеваний и суицидов среди ближайших родственников. Глэдис была госпитализирована более

20 раз за свою жизнь, что говорит о хроническом и прогрессирующем характере болезни. Последние годы жизни она провела в условиях строгой изоляции. Умерла в условиях полной изоляции (1984 год, психиатрическая больница). Старший брат Мэрилин, (по матери) Роберт Кермит Бейкер, родился в 1917 году. У него так-же были серьёзные психические отклонения, как и у матери. Его сдали в психиатрическую больницу в юности, и он там умер в возрасте 30 лет — в 1933 году, когда Мэрилин было всего 7 лет. Мэрилин никогда его не видела. Он исчез из её жизни ещё до того, как она осознала, что у неё есть брат. Его имя редко упоминали — словно хотели стереть сам факт его существования.

Цитата биографа Дональда Спото (из книги Marilyn Monroe: The Biography):

«Роберт был табу. Никто не говорил о нём. Его словно не существовало. Это был первый призрак в её семье, и далеко не последний».

Бернис Бейкер Мирэкл, родилась в 1919 году, сестра Монро, но Мэрилин узнала о её существовании только в возрасте 12 лет. До этого она не знала, что у неё есть сестра. В юности они никогда не общались, потому что Бернис была отдана на воспитание отцу, в Кентукки. Мать не поддерживала с ней связь. Они впервые встретились, когда Мэрилин уже была подростком.

«Когда мы впервые поговорили, я думала, она шутит. Сестра? У меня? Но потом я увидела в ней что-то знакомое

— глаза, губы, выражение». — Мэрилин, по воспоминаниям Бернис.

Позже, когда Мэрилин уже стала актрисой, они иногда переписывались, виделись редко, но контакт был довольно натянутый. Бернис позже писала:

«Я была ей как странное напоминание о прошлом, от которого она бежала. Она не знала, как говорить со мной — мы были почти чужими».

В этой семье не было ни родства, ни тепла — только гены, которые Мэрилин боялась унаследовать. Её детство прошло в приютах и приемных семьях, где её не любили, не понимали и часто жестоко обращались. Постоянные переезды, ощущение отверженности и беспомощности сформировали чувство полной социальной ничтожности. Норма Джин прекрасно понимала, что из такой среды шансов вырваться практически нет. Её воспоминания полны горьких фраз:

«Я — никто. Меня не хотят, меня не ждут, меня просто выбросили на помойку».

«Я не знала, кто я. Не знала, зачем я родилась. Я не знала, кому я принадлежу. И я выучила: никому». — Норма Джин Бейкер (Мэрилин Монро), в беседе с Беном Хектом, 1954

Мэрилин Монро родилась вне брака, и её жизнь с самого начала была уродливо честной демонстрацией того, как система обращается с детьми, чьи родители являются отсутствующими. Её мать, Глэдис, страдала тяжёлым психиче-

ским расстройством и вскоре после рождения дочери попала в психиатрическую лечебницу. Отец — Чарльз Стэнли Гиффорд — высокий, ухоженный, аккуратный, отказался признать отцовство. Не платил и не приходил. Её не удочерили, не спасли — её передавали «из рук в руки».

«Я была для них чем-то вроде багажа, который можно передавать от одних к другим.» — Мэрилин Монро.

1926 год, Норме Джин одиннадцать дней, её отдают в приёмную семью Болендеров, строгих христиан-пятидесятников из Хоторна, Калифорния. Там она живет до семи лет, называя приемную мать Иду «мамой», не зная, что у неё есть настоящая мать. Болендеры получали деньги от государства за её содержание, у них так-же есть и другие приемные дети. Их соседка потом скажет:

«Она была тиха, покорна и старалась не мешать. Но что-то в ней уже тогда било в колокола — она смотрела на мир, как будто видела за ним нечто страшное». — Джорджия Винслоу, соседка Болендеров

Семья была не злобной — но и не любящей. Они считали её просто «девочкой, которую нам дали», и строго следили за поведением. Никаких ласк. Только дисциплина, молитвы и холод. Норма Джин живет там до 7 лет. Неожиданно Глэдис решает забрать дочь к себе. Она снимает дом на Арболеа Драйв, затем у нее происходит нервный срыв, и девочка увидела свою мать в приступе безумия, вырывающей дочь у приёмных родителей. Это была первая встреча с безумием,

и не последняя. Вскоре Глэдис попадает опять в лечебницу. После окончательной госпитализации Глэдис в психиатрическую больницу, Норму Джин отправили в Лос-Анджелесский детский дом. Там она впервые узнала, что значит быть «одной из многих». Грязные койки. Насмешки. Страх. Девочка с копной светло-каштановых волос спала в общей спальне, ела из алюминиевой посуды и ждала, когда кто-то опять «заберёт» её — как коробку с чердака.

«В детдоме я научилась молчать. Там никто не хотел слушать».

— Мэрилин Монро, интервью 1956

Её брали семьи на короткие периоды, часто — просто ради субсидий от штата. В некоторых случаях — происходили злоупотребления.

Мэрилин позже признавалась:

«Ко мне приставали. Не один раз. Я уходила, и меня снова куда-то отдавали. Они думали, что я лгу и просто хочу внимания».

— Мэрилин, рассказ в книге Нормана Рейслера

Норме Джин было всего девять, когда её в очередной раз передали «в надёжные руки». Грейс Макки — лучшая подруга матери — вышла замуж за мужчину по имени Док Годдard и решила, что у неё теперь «полноценная семья». Она забрала ребёнка из приюта и отвезла в новый дом, где пахло недопитым виски. Грейс Макки, (официальный опекун) играла в её жизни двусмысленную роль. Именно она впервые

рассказала Норме Джин о кино. Она водила её на студии, позволяла краситься и даже фантазировать.

«Я должна была быть благодарной. У меня был матрас, у меня была подушка. Но я боялась ночи больше, чем холода или голода».

— Мэрилин Монро, из частных записей (цит. по Taraborrelli)

Док Годдард, как вспоминали соседи, был внешне респектабельным мужчиной, электриком, с грубым лицом и вечно щетинистым подбородком. Но за этим образом пряталось что-то более тёмное.

«Он смотрел на неё не как на ребёнка. Мы это замечали, но в те годы никто не вмешивался. Это была чужая семья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.